

ВСПОМИНАЯ Б.Ф. ПОРШНЕВА

Л.Ф. Туполева

Наука не знает, чем
она обязана воображению.

Ралф Уолдо Эмерсон

Когда в 1957 г. Борис Федорович Поршнева возглавил сектор Новой истории западноевропейских стран в Институте истории Академии Наук СССР, это был уже сложившийся уникальный коллектив, настоящее созвездие ученых, широких и добрых по натуре людей, одаренных как профессионалы и интересных как личности. Одних только докторов наук насчитывалось десять человек. Невозможно перечислить всех членов сектора, так как время меняло его состав, но сохранился в памяти образ творческой лаборатории, где существовала своя методика работы, складывались свои традиции и где главная роль принадлежала таким ученым, как А.З. Манфред, В.М. Далин, А.С. Ерусалимский, Н.А. Ерофеев, Л.И. Зубок, Е.Б. Черняк, Б.Г. Вебер, Л.И. Гинзбург, М.И. Михайлов, Э.А. Желубовская, Ф.А. Хейфец. Из группы молодых начинающих ученых по своей эрудиции ближе к старшим коллегам был кандидат исторических наук Т.М. Исламов – специалист по Австрии и Венгрии. В аспирантуре учились германисты С.В. Оболенская и Б.М. Туполев, франковеды С.Н. Гурвич, А.В. Гордон, Г.С. Кучеренко, Е.В. Киселева и И.И. Сиволап (она занималась также Швейцарией), специалист по Бельгии А.С. Намазова, по Италии - Г.А. Сибирева, по Англии – Л.Ф. Воробьева-Туполева. Вот такой сектор и возглавил Б.Ф. Поршнева!

Новый руководитель был равным среди лучших, вместе с тем – лидером, ученым с мировым именем. Анализ научных работ Б.Ф. требует специального исследования, в своих же воспоминаниях мне хотелось бы сохранить живой образ ученого. В сектор пришел знаток истории Франции, чья монография «Народные восстания во Франции

Лариса Федоровна Туполева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

перед Фрондой (1623-1648)», опубликованная в 1948 г., сделала имя автора известным не только в нашей стране, но и за рубежом. Совет Клермон-Ферранского университета присудил ему в 1957 г. степень доктора «Honoris Causa». В Советском Союзе за эту монографию, написанную на основе докторской диссертации, Б.Ф. Поршневу была в 1950 г. присуждена Сталинская премия (в 1966 г. переименована в Государственную премию).

Держался Б.Ф. спокойно, можно даже сказать, величественно, чем-то напоминая человека эпохи итальянского Возрождения. Первое впечатление подтвердилось, когда начались научные заседания, нередко сопровождавшиеся острой полемикой. Было очевидно, что Б.Ф. к такому повороту разговора каждый раз заранее готовился. Все с увлечением следили за тем, как он – сколь бы не нагревалась атмосфера диспута – умело руководил ходом научного заседания, словно искусный дирижер. Картина была завораживающей. Он вовлекал в дискуссию всех окружающих, приглашая к дискуссии и поощряя свободный обмен мнениями.

Обычно Б.Ф. в своем вступительном слове и заключении обращал внимание на новые подходы в исследованиях. Он использовал все свои способности полемиста, психолога, лектора и педагога для того, чтобы в секторе разворачивались настоящие состязания между учеными при обсуждении различных направлений развития исторической науки. Возникшая в секторе творческая атмосфера способствовала выходу за пределы замкнутого пространства, очерченного идеологическими барьерами и существовавшей – гласно или негласно – цензурой. Это было новое веяние. Молодежь сектора, которая еще не принимала участия в этой научной полемике, а только восхищалась ею, училась главному – чтобы трудиться на уже избранном научном пути, нужно быть свободной в своем выборе. Такова была одна из главных особенностей стиля работы Б.Ф. – открывать другим перспективы научных исследований. Это было проявлением Оттепели в науке.

Важным направлением в деятельности нашего коллектива была подготовка к печати двухтомного издания «История Второго Интернационала» (Т. 1. М., 1965; Т. 2. М., 1966) под редакцией доктора исторических наук Л.И. Зубока. Выбор ответственного редактора был сделан безошибочно. Лев Израилевич ранее работал в Коминтерне, прекрасно знал историю рабочего и социалистического движения, стремился придерживаться фактов, по возможности избегая идеологических штампов и оценок. Научно-организационную работу по этому изданию поручили мне (я тогда как соискатель училась заочно в аспирантуре). В написании труда принимали участие известные историки, специалисты по истории стран Западной Европы и рабочего, профсоюзного и

социалистического движения. Публикация «Истории Второго Интернационала» тоже свидетельствовала об определенных сдвигах в советской исторической науке, о первых шагах к свободе творчества. Вот почему этот труд и сейчас не устарел и представляет интерес для исследователей.

Иногда Б.Ф. приходил на редколлегию «Истории Второго Интернационала». В конце одного из заседаний он предложил, чтобы аспиранты приняли участие в работе над двухтомником в качестве авторов. В частности, я получила задание написать разделы: «Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX в.» и «Тред-юнионистское движение в Южной Африке», а Б.М. Туполев – разделы о профсоюзном движении стран Западной Европы в период существования Второго Интернационала.

Влияние Б.Ф. как воспитателя и наставника было очень велико и нередко определяло будущий путь в науке молодого ученого. Беседы были не частыми, но всегда касались самых важных вопросов. Поскольку я училась в аспирантуре без отрыва от основной работы в Институте, то всегда была очень занята, и сначала не замечала, что тоже, как и все аспиранты, нахожусь под неусыпным оком Б.Ф. И вот состоялся наш первый, особенно запомнившийся мне разговор о выборе направления моей исследовательской работы. Вскоре после своего прихода в сектор Б.Ф. пригласил меня на беседу и сказал, что сектору нужны специалисты по Великобритании и что «их надо выращивать». Он предложил мне специализироваться по истории Англии XIX в. Я попыталась напомнить, что в МГУ им. М.В. Ломоносова я специализировалась по Венгрии на кафедре новой и новейшей истории, что знаю венгерский язык (его преподавала нам дочь известного венгерского писателя Гидаша) и что могу заниматься в секторе историей Венгрии. Но Б.Ф. на это заметил, что Т.М. Исламов «покрывает» все исследование и по Венгрии, и по Австрии. Он был тверд: главным направлением моей научно-исследовательской работы должна была стать история Англии конца XIX в., и в частности история ее рабочего и социалистического движения 80-х годов XIX в. Так началась для меня увлекательная работа над английской историей в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда, а позднее – Англии и Ирландии.

Б.Ф. думал и заботился о том, с какими публикациями подойдет аспирант к защите кандидатской диссертации. Так, когда я в 1968 г. защищала диссертацию, среди других моих публикаций оказались и разделы из «Истории Второго Интернационала». По рекомендации Б.Ф., Ефим Борисович Черняк стал научным редактором моей книги «Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX в.», которая, правда, увидела свет только в 1973 г., когда Б.Ф. уже не стало.

Б.Ф. был человеком жизнерадостным и увлекающимся. Часто за его спиной поговаривали: «Разбрасывается! Слишком разбрасывается!». Особенно порицали его многие за философские штудии. Но когда наступил момент защиты им второй докторской диссертации – по философии, весь наш сектор пришел его поддержать. Потом Б.Ф. пригласил всех на банкет в ресторан «Прага». Он был счастлив, ведь он всегда рассматривал историческую науку и философию как единое целое. Как-то он задал мне вопрос, читаю ли я журнал «Вопросы философии». Я ответила, что нет, так как совсем не остается времени. Он удивился и посоветовал переменить свое отношение к этой «прекрасной науке». Разговор оставил в моей памяти неизгладимое впечатление: возник новый, более глубокий интерес к философии, курс которой блестяще читали нам ученые-философы на историческом факультете.

Б.Ф. был натурой музыкальной и регулярно посещал уроки вокала в кружке Дома ученых, что на Кропоткинской улице. Он любил исполнять знаменитые произведения классической музыки, и однажды попросил меня аккомпанировать ему на этих занятиях. Однако, как известно, систематические занятия всегда занимают много времени, и я вынуждена была ему отказать в этой просьбе. Но замечательно было то, что Б.Ф. не показал своей обиды, проявив великодушие.

Очень любил он вечера-капустники в нашем Институте, находившемся тогда в бывшем особняке князей Голицыных на Волхонке, 14, который сам по себе создавал праздничное настроение. Сохранилась нарядная лепнина на высоких потолках, большой концертный зал с высокой сценой. Помню один из новогодних вечеров: идет концерт-капустник, я сижу в партере. Подходит Б.Ф. и просит проаккомпанировать ему. Я спрашиваю, есть ли у него ноты, но он отвечает, что они и не понадобятся, потому что петь он собирается известный «городской романс» «Мурка». Я пришла в необычайное замешательство: как же так, я ведь играю только классику и мой самый любимый композитор – Бах! Б.Ф. лукаво улыбнулся и уверил меня, что публика будет в восторге. Я сдалась. Мы молча пробрались к сцене. И вот уже Борис Федорович величественно стоит в изгибе рояля – подражает Шаляпину – и громко объявляет: «Мурка»! Последовали, конечно, оглушительные аплодисменты...

Очень интересными бывали вечера в секторе академика Милицы Васильевны Нечкиной, в здании на Дм. Ульянова, 19, куда с Волхонки переехал Институт истории. Говорили даже о салоне Милицы Васильевны. Вспоминали, что в молодости у нее в Казани тоже был салон, где собиралась интеллигенция, читали стихи. Милицу Васильевну называли русской мадам де Сталь. Она писала стихи на французском языке.

По приглашению Милицы Васильевны я бывала в секторе истории исторической науки на праздничных встречах. Приходило много гостей: М.А. Алпатов, Б.Г. Вебер, Б.Ф. Поршневу и другие. Вечера готовил Владимир Владимирович Альтман. На стенах развешивались шуточные плакаты и лозунги, составленные из объявлений аптеки, находившейся рядом с институтом. В секторском капустнике участвовали почти все присутствовавшие. Б.Ф. вставал, и молча, ничего не говоря, жонглировал тремя апельсинами. Этот номер неизменно веселил публику.

И Институт истории, и сектор Новой истории стран Западной Европы на некоторое время стали для Бориса Федоровича своего рода домом, который он строил для науки, для ученых, для своих учеников. Это было прибежище и для него самого. Б.Ф. как титан боролся с препонами научному творчеству, которые возводил господствующий режим. Добиваясь свободы своего творчества, он искал пути выхода из идеологических тупиков, был открыт в этой борьбе и потому беззащитен.

Постепенно начала меняться обстановка в секторе. Молодежь знала не все причины подспудных конфликтов. Слышала только, что все чаще стали говорить о плохом, неуживчивом характере Б.Ф., о необходимости сменить его на посту заведующего. Да, характер у него был непростой. И только любимый ученик Б.Ф. Поршнева Геннадий Семенович Кучеренко – тогда еще аспирант – был предан своему учителю, оставался рядом с ним до конца. И сейчас жива в памяти картина, как они вместе идут по коридору института: две медленно удаляющиеся фигуры... Борис Федорович был также предан всю жизнь своему учителю академику В.П. Волгину. Хорошо, что не прерывается линия преемственности в науке: академик В.П. Волгин – доктор исторических наук Б.Ф. Поршневу – доктор исторических наук Г.С. Кучеренко – ученики которого так же давно уже доктора исторических наук и имеют собственных учеников.

1972 год стал трагическим в жизни Б.Ф. Его книга «О начале человеческой истории» была уже подготовлена к печати в издательстве «Мысль», когда в сентябре сверху поступило распоряжение рассыпать набор. Выдержать этот удар было невозможно. 26 ноября Бориса Федоровича не стало.

После смерти Б.Ф. у его научных исследований началась своя, самостоятельная жизнь. Максимилиан Волошин в статье, написанной в связи с кончиной Льва Толстого, писал, что для некоторых людей смерть представляет всю горечь потери лично близкого человека, но для многих, кто знал художника «через слово, смерть не может являться утратой... Смерть художника не только не лишает нас чего-

нибудь, она обогащает, давая фигуре человека тот последний, окончательный удар резца, который завершает лик и придает ему трагическое единство»¹. Эти слова относятся и к ученому, к его научному наследию.

В 70-е годы издательство «Наука» выпустило две книги Б.Ф. Поршнева: «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» (1976) и «Социальная психология и история» (1979). Помогала в издании этих работ вдова Б.Ф. Изольда Мейеровна.

Особенностью натуры Б.Ф. была кипучая творческая энергия, которая проявлялась во многих областях науки – в истории, философии, психологии, биологии, антропологии. Делались открытия, выпускались книги, но главное – рождались идеи.

Мы должны согласиться с тем, что отечественным историкам, специалистам по Франции еще предстоит кропотливая работа – подготовить к публикации и издать собрание сочинений Бориса Федоровича Поршнева, включив также в это издание все его неопубликованные сочинения и сопроводив тексты аналитическим комментарием. Представить читателю творчество ученого в наиболее полном объеме – в этом состоит задача фундаментальной исторической науки.

¹ *Волошин М.* Судьба Льва Толстого // *Волошин М.* Жизнь – бесконечное познание. М., 1995. С. 284.